

Лия Корнилова

Крайняя книга и определённый блин

из дневника
зануды

НЕ ТАК давно, помнится, радиопередача о русском языке на «Эхе Москвы» начиналась с заставки «Разговорчики в строю! Стоять смирно! Говорить по-русски!» Потом, видать, стало неудобно или кто подсказал, что РФ всё-таки страна многонациональная, что в ней на полных правах существуют и другие языки, и даже некоторые из них имеют статус государственных, что радиостанция-то считается либеральной и как-то негоже

строить всех и командовать, на каком языке надо всем говорить. Этот слоган звучал в диссонанс всему «Эху», да и самой отдельно взятой передаче, которая и не предполагала никакого другого языка, кроме русского, – просто какая-то фальшивая нота зависла на радиоволне, и никто эту фальшь не замечал. В том числе и сами языковеды «Эха», произносившие командные фразы с чувством и артистизмом.

— Говорить по-русски! — воскликала одна.

— Говорим, говорим, — вторила другая.

Да, говорили, только проблем не поднимали, а всё читали вслух этиологические словари, разъяснявшие происхождение тех или иных слов, или растолковывали, чем отличаются, к примеру, производственный брак от супружеского. Продолжают заниматься тем самым они и сегодня, слава богу, без солдафонской заставки.

А язык, как и любое другое явление человеческой деятельности, не стоит на месте, с нарастающей быстротой меняется, обогащается новыми смыслами и значениями, не отставая от стремительного развития науки, техники, международных отношений... Однако параллельно насыщается он и необязательными зигзагами, алогизмами, пустыми, ничего не значащими словами-паразитами, засоряющими живой, развивающийся язык.

В этой статье я именно о них, о всплюющих нелепостях, которые въедаются, как бациллы, и разрушают целостный организм словесности. Пользователь-то не следит за речевым своим здоровьем, легко подхватывает всяческие вирусы, легко и бездумно распространяя их повсюду.

Но перейдём к конкретике.

Начнём с бессмысленного и совершенно неопределённого по значению слова «определенный» и прочих производных от него. Приведу примеры неуместного употребления этой речевой единицы: *ряд определённых ошибок, не хватает определённого мастерства, была определённая доля везения, пройден определённый отрезок пути...* А нельзя было написать или произнести просто: *ряд ошибок, не хватает мастерства, была доля везения...* Или конкретизировать, привнести какую-то информацию: *пройден большой (не такой большой, ухабистый, зыбкий, светлый) отрезок пути?* Нет, обязательно, как прыш на ровном месте, появляется это ничего не значащее слово. Где-то,

конечно, оно употребляется к месту, но в подавляющем большинстве просто так — для заполнения пустот и пауз, ни на йоту не добавляя смысла. И в немыслимом количестве. Особенно часто оно пустозвонит на ТВ-, радиотрибунах, сыплется оттуда на нас пригоршнями, ворохами, даже в одном предложении повторяется: *выбыл по определённым причинам на неопределённый срок*. Порой дело доходит до масла масляного: *какие-то определённые нападки*. Но ведь неопределённое местоимение *какие-то* более уместно, и на кой ему бессмысленный довесок?! Среди слов-паразитов это *определённо-неопределённое* словцо по чрезмерности употребления, на мой взгляд, вышло нынче на первое место, опередив ещё вчера вездесущее *как бы*. Я знаю человека, у которого от него (точнее — неуместного его употребления) происходит обострение лексической идиосинкразии — непереносимости *определённых* слов. Оно для него, что и пресловутый блин — эвфемизм *определённого* ненормативного ругательства.

У меня такого болезненного неприятия к некоторым словам нет, но этот блин особенно в устах дублируемых героев американских, английских, французских... фильмов вызывает, конечно, неизменный смешок. А вот когда дети вслед за взрослыми это произносят, мне как-то совсем не смешно.

Далее в нашем ряду известный всем предлог *из*. Неправильное его употребление вызывает сперва улыбку, а когда различные комментаторы и прочие вещатели возводят эту неправильность в правило, становится грустно. Пример: *последняя минута из основного времени*. Понятно, что *из* здесь лишнее пояснение. И таких излишеств с данным предлогом сплошь и рядом. Вместо *артист Большого театра*, читаем *артист из Большого театра*, вместо *студент Казанского университета*, слышим *студент из Казанского университета*. Другой вариант той же нелепости: концерт вот происходит в Уфе, и уфимский телеведущий объявляет: «А теперь выступит певица из Уфы».

Она что – в Уфу из Уфы приехала? Закончился футбольный ЧМ-18 в России и, оказывается, всех больше на нём было болельщиков из России.

Один из уважаемых мной литераторов пишет: «Всё-таки граф, конечно, большая умница». Но *граф* – существительное мужского рода, и правильно будет написать *большой умница*. Если заменить на *умника*, то появляется другой, иронический, смысл. А вот во фразе *гадина он, а не киндер* можно употребить слово *гад* – и женский и мужской род в этом случае одинаково употребительны. Повторяю, здесь я привожу не частные ошибки, а характерные, кочующие из текста в текст, из передачи в передачу, что в печати, что на ТВ-радио...

Раньше для журналистов, филологов бытовал совет: правильная, образцовая речь у дикторов центрального телевидения и радио, слушайте и исподволь учитесь. Не только потому, что слово «центральное» заменилось на «федеральное», но теперь там уже просто-напросто учиться не у кого и нечему – в эфире правят бал, скажем мягко, люди случайные, без специального образования и подготовки. И уж слышишь: *по приезду, по возвращению...* вместо: *по возвращении, по приезде...* Даже одна из ведущих упомянутой радиостанции Ольга Северская в программе «Говорим по-русски» умудрилась, коснувшись темы о повышении пенсионного возраста, произнести: *по достижению...* Повторяю, я не беру во внимание оговорки, опечатки, случайные неправильности, речь идёт о хронических дефектах, печальных языковых тенденциях.

Чем отличаются красавицы от красоток, дембель (*демобилизация*) от *увольнения в запас*, представить от *представить* себе, представить от *предоставить*, нельзя от *невозможно*... – этого бесчисленные теле-, радиовещатели не разумеют. («*Нельзя* у него *выиграть*», – сказал комментатор. «*Почему нельзя?* – подумала я. – Можно, никто не запрещал. Другое дело, что *невозможно*».)

Печатная продукция грамотнее. Но и здесь приходится читать такие перлы, как, например: «Я на сто процентов согласен с ним, но вслух это озвучить не могу». Напрашивается вопрос: «А молча озвучить можно?»

С этим *озвучить* просто беда! Об этом вирусе я уже говорила. Но он получил такое распространение, подмял под себя все близкие по смыслу понятия, так обеднил и обезобразил язык, что просто атас, караул, держите меня семеро! Новости больше не сообщают, мысли не излагают, события не истолковывают, указы не оглашают, доклады не читают, вопросы не освещают, истории не рассказывают, сказки не рассказывают, песни не поют, а всё это скопом и поврозь *озвучивают*. Как-то разговорилась я с тележурналисткой, и она удивлённо спросила: а как, если не *озвучить*? То есть уже профессиональные журналисты не знают других слов, кроме этого, по своей сути неправильного и сделавшегося универсальным – на все случаи жизни суррогата.

Откуда он взялся? Оттуда – из кинематографии. Ведь художественные фильмы сначала снимают без звука, только потом начинают накладывать его на видеоряд, что и названо *озвучиванием, озвучкой*. То есть артисты за кадром в свои ранее заснятые на плёнку, немые уста принимаются вкладывать наполненные звуком, тембром, стилистической окраской слова, песни, ахи-охи... Озвучиваются и взрывы бомб, и гудки пароходов, и соловьиные трели. А газеты при обзорах для радиослушателей всё-таки читаются. Но и здесь при обзирах печати можно услышать: *газета на своих страницах озвучивает проблемы экологии*. Будто у бумажных газет нашлись и звуковые страницы.

Нередко дикторы, лекторы, докладчики бездумно произносят: *выше сказанное, как я скажу ниже*. Нет у речей *выше, ниже*, они характерны для текстов на бумаге или мониторе. Понятно, есть образная речь: *идёт дождь, ветер дует, температура стоит...* И смешно, когда при прогнозе погоды

сообщают: *ветер дует западный*. При конкретности, стилистической официальности сообщений о погоде следует говорить просто и кратко: *ветер западный, температура такая-то*. А выше, ниже в докладах, речах, прочих устных выступлениях надо заменять на *раньше, позже*. И никакой образности, хотя в письменных текстах без проблем употребляется, например: *в который раз говорю*. Не всё, к сожалению или к счастью, в языке логично, не будем касаться тонких материй литературы, где уже необходим особый литературный слух, как в музыке – музыкальный.

Скажем, что такое в пояснении адреса электронной почты фраза *нижнее подчёркивание?* Будто есть среднее подчёркивание или верхнее! Ведь приставка *под* внятно поясняет, где находится чёрточка.

Как-то один знакомый писатель сообщил, что он подписал мне дарственное свою *крайнюю книгу*. Понимаю, из-за суеверия литератор не захотел говорить *последнюю*. Но крайней книга может быть только тогда, когда она лежит на краю стола, прилавка или чего-то другого, плоского, имеющего какую-то площадь. Да, у книги есть правый, левый, верхний, нижний края, но сама она не может быть крайней, как не может быть крайнего человека в очереди. Очередь не гладильная доска, не эстрадная площадка, у неё, как и у очерёдности выпуска книг, нет краёв. Если уж такой суеверный, скажи: *подписываю свою последнюю на данный момент книгу*. А ведь есть ещё фразы *крайняя нужда, крайнее беспокойство, оказаться крайним*, и они несут не менее негативное начало, если не более. Так что надо ещё подумать перед тем, как искусственно менять похожие друг на друга выражения: не ухудшим ли мы смыслового его значения.

Недавно интересный писатель и литературный эрудит Дмитрий Быков

произнёс по радио: *отчитал лекцию* и... далее не помню... должно быть, поспешил куда-то. Я в шоке. До того фраза эта косноязычна, с привкусом двусмысливости... И она, замечу, родилась не на пустом месте. Приставка *от* стала вездесущей. Она превратилась в настоящую эпидемию: *отсморел фильм, отстраховал машину, отучился на повара...* Даже в печати можно прочесть: *пассажиры отфиксировали высадку девочки из автобуса на мороз*. «А как надо?» – спросите. Элементарно: *посмотрел фильм, застраховал машину, выучился на повара...* Жаль, что в нашей жизни теперь не писатели-журналисты-депутаты формируют каноны правильной речи, а сами они подвержены влиянию какой-то, прошу прощения, неграмотной подворотни.

Проблема здесь видится в том, что люди охотно, не задумываясь, копируют друг за другом языковые, зачастую курьёзные нововведения, тиражируют их. Им кажется, от этого речь их становится эффектнее, доходчивее, народнее, что ли, если можно так сказать. Мало того, образованные люди, даже профессиональные литераторы стали при письме в социальных сетях умышленно коверкать слова, по принципу пишу, как слышу или, как посмешнее, видя в этом какой-то шик. Что за напасть! Повторять их здесь в качестве иллюстраций даже не хочется.

А ещё функционеры разных мастерий, в том числе и писательских организаций, обращаясь к писателям, начинают свои письма или обращения с неизменной нелепицей: «Дорогие поэты и писатели!» Будто поэты не относятся к писателям, будто они не состоят в общем писательском союзе! Если уж хочется разделить по жанрам, то надо говорить: «Дорогие поэты и прозаики!» С добавлением, чтоб не обижались, и драматургов, и публицистов. А лучше и короче – просто: «Дорогие писатели!» Без всякого разделения.